«Кровь его тропу пробьет»: эпизод из истории бытования советского песенного наследия

Роман Лейбов[1]

✉ roman.leibov@gmail.com
ORCID 0000-0002-5521-2954

[1] Тартуский университет, Тарту, Эстония

Для цитирования статьи:
Лейбов, Р. (2020). «Кровь его тропу пробьет»: эпизод из истории бытования советского песенного наследия. *Фольклор и антропология города*, *III*(3–4), 49–68. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-49-68.

Статья посвящена текстологической истории, бытованию и рецепции одной из песен, относящихся к русской революционной субкультуре. Речь идет о песне «Угрюмый лес стоит стеной кругом», которая не была канонизирована в довоенный советский период. Между тем, как мы показали в начале нашей статьи, песня достаточно актуальна в современном бытовании, зафиксированном, например, репликами на YouTube. Характерно, что эти реплики носят не только «исторический» характер, песня оказывается актуальным средством для описания современной политической и общественной атмосферы. Мы имеем дело с достаточно редким случаем, когда текст, изначально малоизвестный и оттесненный историей на периферию коллективной памяти, в «архив», входит если не в канон, то по крайней мере в «зону культурной видимости». Реконструкция истории этой песни на стихи А. А. Вермишева обнаруживает ключевые моменты, сказавшиеся на ее современной актуализации. Мы попытались представить максимально полную историю текста, обратившись к опубликованному при жизни Вермишева стихотворению «Вперед» и сопоставив его с текстом песни. Высказанные нами предположения о возможных трансформациях и миграциях текста являются гипотетическими, суммарно их можно изложить так: 1) стихотворение предшествует песне; 2) трансформации текста переключают жанровый регистр от балладного к лирическому (этому сопутствует смена стихотворного размера); 3) особую роль при этом играет мелодия, которая трансформирует мелодический строй популярных романсов начала XX века; 4) реактуализация песни может быть связана с общественной атмосферой эпохи хрущевской «оттепели», именно в это время она входит в репертуар хоровых коллективов (сначала — Омского народного хора, затем — хора имени Пятницкого), ее записи появляются на грампластинках; 5) особую роль в возвращении песни сыграло ее использование в злободневном фильме Г. А. Панфилова «Прошу слова» (1975), беглым анализом которого завершается статья.

Ключевые слова: русские революционные песни, культурная трансляция, А. А. Вермишев, Г. А. Панфилов.

Приносим искреннюю благодарность Михаилу Лурье, Светлане Подрезовой, Анне Сенькиной и Рустаму Фахретдинову за обсуждение черновых вариантов статьи, консультации и библиографическую помощь.

"His blood will beat out the path": A case from the history of Soviet song heritage

Roman Leibov[1]

✉ roman.leibov@gmail.com
ORCID 0000-0002-5521-2954

[1] University of Tartu, Tartu, Estonia

To cite:
Leibov, R. (2020). "His blood will beat out the path": A case from the history of Soviet song heritage. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(3–4), 49–68. DOI: 10.22394/2658 3895-2020-3-3-4-49-68. (In Russian).

This paper dwells upon textual history, existence and reception of one of the songs related to Russian revolutionary subculture — "The gloomy forest stands around like a wall" (*Ugryumiy les stoit stenoi krugom*) — which has not been added to the official Soviet song canon in the pre-war Soviet period. Meanwhile, as I show at the beginning of the paper, the song is quite relevant in contemporary usus. This is exemplified, for example, by cover versions on YouTube. It is peculiar that these clips are not "historical" only; the song turns out to be an actual means for describing contemporary political and social atmosphere. We are dealing with a rather rare case when a text, initially little-known and pushed to the periphery of collective memory, into the "archive", is included, if not in the song canon, then at least in some "zone of cultural visibility". The reconstruction of the history of this song by Alexander Vermishev reveals the key moments that contributed to its modern re-actualization. We tried to present the most complete history of the text by referring to the poem "Forward!" (*Vpered!*) published during Vermishev's lifetime and then comparing it to the text of the song. Our assumptions about possible transformations and migrations of the text are hypothetical, but in total they can be summarized as follows: 1. The poem precedes the song; 2. Transformations of the text switch the genre register from lyro-epic to lyric (this is accompanied by a change in poetic meter); 3. The melody, which transforms the melodic structure of popular romances of the early 20th century, plays a special role in the abovementioned transformation of genre nature; 4. The re-actualization of the song can be associated with the social atmosphere of the Khrushchev "thaw"; during that time the song entered the repertoire of choirs (first — Omsk Russian Folk Choir, then — the Pyatnitsky Choir), and disk records of it appeared; 5. A special role in the return of the song was played by its use in Gleb Panfilov's movie "I request the floor" (*Proshu slova*) (1975), the brief analysis of which concludes the paper.

Keywords: Russian revolutionary songs, cultural transmission, Alexander Vermishev, Gleb Panfilov.

Наряду с кинематографом (а часто — в связке с ним) песня — важнейший элемент культурного сопровождения современной «советской реставрации», драматически окрашивающей социо-эмоциональный климат в постсоветских странах. Как нам представляется, этот общий тезис должен быть детализирован описанием частных случаев: рассматривая предыстории и рецептивные траектории отдельных песен советского репертуара, мы обнаруживаем значимые подробности и занимательные сюжеты, позволяющие лучше понять механизмы диахронической культурной трансмиссии текстов. Здесь следует сделать оговорку: говоря о «советских песнях», мы трактуем этот термин широко, опираясь не только на время создания, но и на распространение песен внутри официальной

советской культуры (в этом смысле показательны, например, рассуждения повествователя в романе-антиутопии «Москва 2042» Владимира Войновича о «Гандзе» и других песнях, представляющих в советской культуре «народное творчество»)[1]. Особое место в советском песенном репертуаре занимали «революционные песни»: они составили первоначальное ядро советского песенного канона. Войдя в состав песенников и репертуар профессиональных и самодеятельных коллективов еще в 1920-е годы, в эпоху «высокого сталинского стиля» они вытеснялись из сборников «песнями Гражданской войны» и более поздними текстами. Хотя некоторые революционные песни и дожили до конца советской эпохи, но скорее в почетном статусе реликвий, а не в роли активных текстов.

Предметом нашего рассмотрения станет уникальный случай: интересующая нас песня, выросшая в 1910-е годы внутри предреволюционной радикальной субкультуры, проявила редкую жизнестойкость и вернулась в позднюю брежневскую эпоху, что обеспечило ей и современную актуальность.

Речь пойдет о песне «Угрюмый лес стоит стеной кругом» (далее — **УЛ**). Приведем вариант (**УЛ$_1$**), который впервые был опубликован в критическом издании (о первой публикации текста см. ниже). По замечанию публикатора, выполнена публикация по «машинописной записи приблизительно 20-х годов» [Рейсер 1970: 838], что позволяет поместить этот вариант в начало наших заметок:

Угрюмый лес стоит стеной кругом;
Стоит, задумался и ждет.
Лишь вихрь порой в его груди взревет.
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!
В глубоких рудниках металла звон,
Из камня золото течет...
Там молотом своим он в камень бьет, —
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!
Иссякнет кровь в груди его златой,
Железа ржавый стон замрет...
Но в недрах глубоко земля поет:
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!
Кто жизнь в бою неравном не щадит,
С отвагой к цели кто идет,
Пусть знает: кровь его тропу пробьет, —
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед![2] [Там же: 468]

Песню, о судьбе которой пойдет речь, нельзя назвать забытой. Простое исследование ее современного бытования на YouTube представляет различные варианты презентации: от «архивных» (традиционная запись в исполнении хора им. Пятницкого, наложенная на слайд-шоу, представляющее историю хора[3]) до современных (Гарик Сукачёв, запись

[1] «Сколько я себя помню, во всех концертах, демонстрирующих небывалый расцвет многонационального искусства в моей стране, всегда исполнялись одни и те же песни. Если русские, то обязательно или “Среди долины ровныя”, или “Вдоль по Питерской”, а украинские — или отрывок из “Наталки-полтавки”, или вот эта самая “Гандзя”» [Войнович 1997: 42].

[2] Под загл.: <Песнь декабристов> с датировкой: «Конец 1820-х — начало 1830-х гг. (?)».

[3] Одна из многочисленных репликаций этого рода: [Bronisliva 2010, 25 февраля], 66 894 просмотра. Здесь и далее при ссылках на этот ресурс мы указываем подписи хозяев канала, заглавие, данное ими клипу, и сведения о дате публикации (см. «Литература») и количестве просмотров к моменту написания статьи (август 2020) (в постраничных комментариях).

с концерта[4]) [Anna Popova 2019, 24 ноября]. Порой такие презентации не могут не удивить прихотливостью соединения песенного ряда и риторического задания клипа: так, выясняется, что песня использовалась в фильме о Николае и Елене Рерихах[5] [Людмила Хохрякова 2017, 9 апреля]. Наконец, традиционная аудиозапись может выступать и в качестве контейнера злободневного политического высказывания[6] [Yuriy Matrosov 2013, 24 октября] (см. титр на *Илл. 1*).

Илл. 1. Титр видеоклипа

Песню и сегодня исполняют как любители [kolybanov 2014, 30 декабря][7], так и самодеятельные коллективы [Andrey Konev 2017, 7 ноября][8], и в целом ее рецепция вписывается в картину использования советского песенного наследия в современной культуре, ориентирующегося на современный суммарный советский рессентимент.

В этом смысле показательна композиция еще одной видеорепликации этой песни (в том же исполнении хора им. Пятницкого, предшествовавшего публикации текста С. А. Рейсером[9]), в которой монтируются документальные фрагменты и отрывки из советских фильмов: развод караула у Вечного огня — запирающиеся ворота царской каторжной тюрьмы и «декабристы» — кадры из фильма «Прошу слова» — броневики и матросы на улицах революционного Петрограда — кадры из фильма «Прошу слова» — уличная перестрелка в декорациях Гражданской войны — воинский мемориал — кадры из фильма «Прошу слова» — стела со стихотворением Ольги Берггольц «Песня Победы» — художественные и хроникальные фрагменты с сюжетами Великой Отечественной — Парад Победы 1945 года — воинский мемориал — кадры из фильма «Прошу слова» — Парад Победы 1945 года — кадры из фильма «Прошу слова» — революционный Петроград (?) — советская орбитальная станция в космосе — советские

[4] 761 просмотр. Песня также входит в репертуар Александра Ф. Скляра [Александр Ф. Скляр 2020, 29 мая], предоставляем читателям судить, в котором из этих двух исполнений она звучит ужаснее, 68 просмотров.

[5] 641 просмотр. Можно предположить, что определенную роль в таком использовании песни сыграл не только мотив энтузиастического единения, важный для сообществ этого типа, но и образ суровой северной/восточной природы, перекликающийся с колоритом рериховских видений.

[6] 6111 просмотров.

[7] 2349 просмотров.

[8] 226 просмотров. Исполняет хор Polaris вокальной студии «Лирика».

[9] Зафиксировано на пластинке 1965 года: Государственный Академический русский народный хор им. Пятницкого. С 1037-8. 1965. Очевидно, эта запись не была известна публикатору текста <Песни декабристов>, как и публикация текста с нотами, о которой пойдет речь далее.

и постсоветские кадры парадов ветеранов с врезкой кадров с изображением наблюдающей за торжествами девочки в красном [Rusa Sovietica 2015, 12 декабря][10].

Что касается техник злободневной реактуализации текста, то они не очень заметны и отчетливо сдвинуты на политическом спектре влево: официальные каналы КПРФ на YouTube не замечены в использовании этой песни, зато более радикальные политические активисты, как можно предположить, используют ее достаточно часто (см. ниже свидетельство редактора сайта a-pesni.org). Укажем здесь на достаточно редкую форму репликации песни: автор радикально-патриотического образа мыслей (НОД) Илья Рагулин исполняет стихотворение, варьирующее **УЛ**:

Московский Кремль с дворцами за стеной
Своей судьбы в тревоге ждет:
Час испытаний пробил над страной.
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!

Что правят янки на Святой Руси,
Прозрел измученный народ.
Так помоги нам, Господи, спаси!
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!

Пожарский с Мининым из тьмы веков
Зовут в священный тот поход.
Освободим Россию от оков!
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!

Московский Кремль с дворцами за стеной
Своей судьбы в тревоге ждет:
Час испытаний пробил над страной.
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед![11]

Как известно, постфольклорные песни, пользующиеся популярностью, выступают в роли кристаллизаторов легендарных и полулегендарных нарративов, сообщающих об истории текста, его авторах и бытовании. В последнее время такие легендарные облака формируются вокруг публикаций на популярных сервисах, чаще всего они аккумулируются, со временем накапливая и наслаивая друг на друга звенья легенды разной степени достоверности. Приведем такой нарратив вокруг интересующей нас песни, обнаруженный на следующем, отвечающем профессиональным стандартам в отношении текстологии и описания истории песен сайте a-pesni.org[12]:

> [Песней декабристов] озаглавлена в сборнике «Вольная русская поэзия», по которому здесь приводится. Запись из архивов Пушкинского Дома ‹...› сопровождается пометой: «Музыка и слова декабристов». Доказательств принадлежности декабристам нет, по стилю песня скорее народническая, а первая фиксация стихотворения — публикация в бакинской газете конца 1910-х годов.

[10] 566 просмотров.

[11] Авторское чтение см.: [Илья Рагулин 2018, 7 января], 109 просмотров. Песню на музыку И. Полетаевой см.: [Илья Рагулин 2015, 4 февраля].

[12] [http://a-pesni.org/starrev/pdekabr.htm]. В процессе обсуждения этой статьи редактор сайта скорректировал комментарий к тексту. Мы цитируем текущий окончательный вариант комментария.

В сб.: Такун Ф. И. Славянский базар. М.: «Современная музыка», 2005 — дана с подписью «музыка народная, слова А. Вермишева», под заглавием «Вперед, друзья!».

В середине XX века входила в репертуар Омского русского народного хора и капеллы Томского университета. Записана на пластинку хором им. Пятницкого. Дважды звучит в фильме Глеба Панфилова «Прошу слова» (1975) ‹...›.
‹...›
В конце 2004 года песню запели в Питерской Лиге Анархистов (ПЛА), и текст ее открыл один из номеров газеты ПЛА «Новый свет» (№ 60, февраль 2005 года) — самого древнего из существующих анархических изданий в России (издается с конца 1980-х годов).

Здесь, со ссылкой на упомянутый песенник современного компилятора Ф. И. Такуна, приводится также текст, несколько отличный от приведенного нами выше (курсивом выделены инверсии и лексические варианты, далее — **УЛ$_2$**):

Угрюмый лес стоит *вокруг стеной*,
Стоит, задумался и ждет.
Лишь вихрь в груди его взревет порой:
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!
В глубоких рудниках металла звон,
Из камня золото течет.
Там *узник молотом о камень* бьет:
«Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!»
Иссякнет кровь в *его груди младой*,
Железа ржавый стон замрет,
Но в недрах глубоко земля поет:
«Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!»
Кто жизнь в бою неравном не щадит,
С отвагой к цели кто идет,
Пусть знает, кровь его тропу пробьет.
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед!

Все вариации, представленные здесь, восходят к тексту, исполнявшемуся хором им. Пятницкого, кроме последней, являющейся, очевидно, продуктом рационализации, позволяющей избежать катахретического столкновения минералогического золота и оценочного эпитета «златой» (трудно судить, насколько такая замена устоялась в любительской практике к моменту публикации: варианты исполнения, на которые мы ссылаемся выше в прим. 3, 6 и 7, дают колебания эпитета, Гарик Сукачёв позволяет себе в этом месте вольное отклонение от **УЛ$_2$**: *Иссохнет кровь его в груди златой*).

Комментаторы другого крупнейшего песенного сайта, посвященного советскому наследию, SovMusic.Ru[13], свободные от профессиональных предрассудков, аккумулируют несколько более широкий спектр сюжетов (поскольку чаще всего реплики в обсуждениях такого рода являются воспроизведениями фрагментов чужих текстов, мы приводим их в подборке, слегка редактируя авторскую пунктуацию, опуская подписи и разделяя реплики публикаторскими астерисками):

Революционная песня начала века. Очень яркая, красивая, сильная. Музыка: народная. Слова: Александр Вермишев. Исполняет: хор им. Пятницкого. Исполнение 1965 года.

[***]

[13] http://sovmusic.ru/forum/c_read.php?fname=vpdruzja.

Это песня декабристов
[***]
Песня эта «живая»: до сих пор есть люди, которые помнят, как пели ее в молодости. В частности, в середине XX века она была в репертуаре капеллы Томского университета (одного из старейших в России); даже в 2003 году один из тогдашних выпускников этого университета смог исполнить ее полностью.
[***]
Широкую известность песня получила после выхода на экраны фильма Глеба Панфилова «Прошу слова». В фильме есть чрезвычайно сильная сцена. Старики — бывшие революционеры-политкаторжане — приходят на квартиру к старому большевику Бушуеву, чтобы поздравить того с присуждением ордена. Друзья застают Бушуева в постели — тот лежит при смерти. После взаимных извинений и прощений становится ясно, что поздравления неуместны, и тут Бушуев говорит: «Ну что? Так и будем молчать? Я ведь не помер еще. Давайте песни петь! Гриша, запевай!»
И тогда прошедшие каторги и тюрьмы старики вдруг хором запевают «Узника». В фильме песня звучит от начала и до конца.
Текст песни был найден после войны Еленой Владимировной Калугиной — собирательницей русских народных песен, ученым-краеведом, которая изучала фольклор Сибири и, в частности, сибирских ссыльных с начала XIX века, с момента поселения в Сибири ссыльных декабристов. Песня «Вперед, друзья!» (название в оригинальной записи — «Узник») относится ко второй половине XIX века. Автор слов неизвестен. Найденный Калугиной вариант вошел в репертуар Омского русского народного хора. «Узник» исполнялся в «исторической» концертной программе вместе с другими русскими революционными песнями — «Нагаечкой», «Сбейте оковы...» (та самая, где в припеве легендарная фраза «Я научу вас свободу любить!»), песнями на стихи Бестужева.
[***]
К истории песни, уже довольно полно здесь пересказанной, стоит добавить, что, несмотря на одно из обиходных названий «Песня декабристов», судя по языку, реальное время ее написания — не ранее семидесятых годов XIX века и не позднее начала XX века. Песня получила большое признание среди политкаторжан, сосланных на каторгу после революции 1905–1907 годов. После окончания Гражданской она исполнялась хором Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и в целом была известна и популярна у старшего поколения революционеров, красногвардейцев и красноармейцев, пришедших в революцию, когда им было уже далеко за тридцать.
Традиция исполнения песни оборвалась с началом войны и смертью большинства исполнителей во время войны и сразу после нее.
Тем больше заслуга Елены Владимировны Калугиной, которой удалось возродить песню в репертуаре Омского русского народного хора в том варианте, в котором позже она оказалась и в репертуаре других хоров и ансамблей.

Еще одна реплика в этом обсуждении является копией заметки с сайта газеты «Дуэль». Воспроизведем ее, поскольку она позволяет зафиксировать индивидуальный случай варьирования текста песни.

Газета «Дуэль», № 29 (427), 19 июля 2005 года
Почти тридцать лет назад довелось посмотреть очередной фильм Глеба Панфилова «Прошу слова». Там играли хорошие актеры, сюжет был, что называется, «на злобу дня» (того дня) — о жизни — в быту и на работе — секретаря какого-то там «-кома» партии. За давностью лет позабылись перипетии сюжета, но один эпизод запомнился: у постели смертельно больного товарища стоят старые большевики и поют такую же старую, как они сами, но по-прежнему могучую песню — «Вперед, друзья!» Не было у меня тогда ни простого «ауди», ни — тем более! — видеомагнитофона, чтобы записать ее, а текста не нашел ни в одном песеннике — ни тогда, ни в последующие годы. Потому насколько смог восстановил (для себя) песню в видоизмененном варианте. И вот недавно удалось достать подлинный ее текст.

Не знаю, придется ли эта песня ко двору Студии патриотической песни или «Дуэли», но хочется верить, что среди множества старых наших песен, достойных исполнения и актуальных и сейчас — в том числе и в качестве песен Сопротивления, — найдется место и для этой — «Вперед, друзья!». Посылаю оба варианта.

В. ЧУПРИЯНОВ

P. S. Об истории создания этой песни была публикация в газете «Советская Россия». Как мне сообщили в редакции — в номере за 30 апреля 1984 года.

ВПЕРЕД, ДРУЗЬЯ, ВПЕРЕД!
(Старинная революционная песня)
Канонический текст
(Воспроизведен вариант, близкий к **УЛ2**. — *Р. Л.*)
Мой вариант текста

Угрюмый лес стоит вокруг стеной,
Стоит, задумался и ждет.
Лишь зверь в чащобе той взревет порой...
Вперед, друзья! Вперед, вперед, вперед!
В глубоких рудниках за годом год
Из камня золото течет.
Там узник молотом о камень бьет...
Вперед, друзья! Вперед, вперед, вперед!

Крушит суставы хлад рудничных вод,
Ест кандалов железо пот,
Но вольный дух из недр земли поет:
«Вперед, друзья! Вперед, вперед, вперед!
Кто жизнь готов отдать за свой народ,
Кто за нее наград не ждет,
Пусть знает — к цели он тропу пробьет...
Вперед, друзья! Вперед, вперед, вперед!»[14]

Как обычно бывает, в «легендарном облаке» постфольклорной песни свободно и неравномерно перемешаны факты и фактоиды. Попробуем отделить первые от вторых и наметить пути для дальнейшего исследования текста этой песни и ее рецепции.

Прежде всего обратимся к упомянутому выше Александру Александровичу Вермишеву (1879–1919). Этому литератору-большевику не повезло: редакция энциклопедии «Русские писатели» отнеслась к статье о нем[15] [Миль 1989] без должного внимания. Наиболее полной работой об этом авторе остается старая статья З. Г. Минц[16] [Минц 1961], посвященная в основном пьесам Вермишева, но дающая основанный на архивных материалах очерк его недолгой, но бурной жизни. Закончивший Бакинскую гимназию и поступивший в Петербургский университет в 1902 году, он с 1903 года вовлекается в политическую активность, вступает в РСДРП, тогда же исключается из университета, в 1904 году высылается на Кавказ (но скрывается

[14] Там же. Газета «Дуэль» в настоящее время запрещена в РФ как экстремистская, материалы архива ее на сайте недоступны, копий материалов на Archive.org нет. Отметим тенденцию к рифменной гиперкоррекции, наблюдавшуюся и ранее. В **УЛ1** мы имеем дело с Я5455 с регулярной рифмовкой **хааа**, в **УЛ2** в первой строфе рифмовка **abab**; авторский вариант В. Чуприянова сохраняет эту черту, дополнительно превращая другие строфы в регулярные моноримы **аааа**.

[15] Здесь же библиография работ о Вермишеве.

[16] Определенную роль в обращении З. Г. Минц к наследию Вермишева, очевидно, сыграло то, что он был выпускником Императорского Юрьевского университета.

от надзора полиции). В 1905–1910 годах Вермишев существует на полулегальном положении, вновь высылается и вновь уходит от надзора, активно участвуя в партийной работе и одновременно публикуя прозаические и драматические сочинения в газетах. В 1908 году на средства родных и друзей Вермишев издает пьесу «За правдой» (изображающую Кровавое воскресенье), тираж пьесы конфискуется, автор подвергается тюремному заключению, а затем (за подготовку побега) переводится в Шлиссельбургскую крепость. В 1910 году он заканчивает юридический факультет Юрьевского университета, в 1910-е годы совмещает жизнь присяжного поверенного с сотрудничеством в левых кавказских газетах, работает корректором в «Правде», публикует ряд пьес. Активно участвует в Октябрьском перевороте 1917 года, а также, по неподтвержденным сведениям, патентует электрический звонок и совместно с А. Енукидзе работает над проектами таксофона. В 1918 году восстанавливает членство в партии и становится активным функционером (с декабря работает заведующим Петроградского отдела транспорта, являясь одновременно членом Петроградской центральной уголовной следственной комиссии). В это время Вермишев переводит свое творчество на агитационные рельсы: единственная дошедшая до нас его пьеса этого периода — «Красная правда» («Красные и белые») — была представлена на конкурс революционных пьес, отослана автором Ленину, получила кислое полуодобрение Горького и широко ставилась на пролетарской сцене[17]. Отправленный на фронт в качестве комиссара и корреспондента РОСТа, Вермишев погиб 31 августа 1919 года в Ельце. Газетные некрологи расцветили его смерть героическими и жуткими подробностями[18], впоследствии окончательно беллетризированными автором предисловия к изданию избранных сочинений Вермишева Львом Озеровым [Озеров 1977].

Нас в первую очередь интересует стихотворное наследие Вермишева. Среди его текстов, опубликованных посмертно, нет интересующей нас песни, но имеется стихотворение, обнаруживающее недвусмысленные переклички с ее текстом. Оно входило (без подписи Вермишева) и в антологии пролетарской поэзии. Процитируем его по изданию 1936 года с учетом корректив последующих изданий (разбивка на строфы):

Ша

ВПЕРЕД

В глубоких шахтах цепи звон —
Из камня золото течет,
Мятежный молот в скалы бьет:
«Мы долго шли вперед, вперед».

Угрюмо лес стеной кругом
Стоит, задумался и ждет...
Порою вихрем донесет:
«Смелей, борцы, вперед, вперед!»

[17] Сводку постановок см.: [Там же: 199–200].

[18] «Палачи подвергли тов. Вермишева жестокой казни, отрезали пальцы, нос, уши… На все вопросы, задаваемые бандитами, тов. Вермишев ничего не отвечал, а когда увидел, что ему приходит конец, громко воскликнул: “Да здравствует Красная армия! Да здравствует власть Советов! Да здравствует товарищ Ленин! Будьте прокляты, палачи!”» (некролог Вермишева, опубликованный под псевдонимом «Старый демократ» в «Известиях Орловского губ. и гор. Совета р., к. и кр. д.» 20 сентября 1919 года. С. 462. Библиографическая справка дана по статье З. Г. Минц). Текст цит. по статье: [Васильев 1959].

Иссякнет золото, и стон
Железа в руднике замрет,
Лишь эхо под землей поет:
«Они ушли вперед, вперед».

Белеют по холмам кресты…
Тайга их тайны стережет…
И длинный ряд могил ведет
Через тайгу — вперед, вперед…

И те, кто, смерти не боясь,
На эшафот взойдут, смеясь,
Пусть помнят: кровь их цепь порвет
И путь пробьет — вперед, вперед! [Владимирский 1936: 16]

Текст здесь опубликован без раскрытия авторства[19], процитируем с купюрами примечание к нему:

> Напечатано в журнале бакинских большевиков "Современная жизнь", 1911, № 3, 22 апреля.
> Стихотворение явилось одним из оснований для конфискации номера. Приводим постановление градоначальника:
> «20 мая 1911 года и. д. бакинского градоначальника, принимая во внимание вредное направление издания в г. Баку журнала на русском языке под названием "Современная Жизнь", выразившееся, между прочим, в помещении в № 2 журнала статей ‹…› и стихотворения под заглавием "Вперед", содержащие (sic! — *Р. Л.*) в себе публичное возбуждение рабочего класса и населения к беспорядкам, а равно и к действиям, нарушающим общественное спокойствие и безопасность, постановил издание журнала приостановить ‹…›» [Там же: 267]

Почти без изменений текст воспроизведен в издании «большой серии» «Библиотеки поэта» 1967 года [Эвентов 1967: 270]. Здесь в примечании указана страница журнала (2), стихотворение (гипотетически) приписано С. Г. Шаумяну (редактору «Современной жизни»), текст также разбит на катрены (чего не было в издании 1936 года), в этой публикации воспроизведен подзаголовок «Песня».

Тот же текст с подзаголовком опубликован в посмертном московском издании произведений Вермишева, вышедшем в 1977 году [Вермишев 1977: 29]. Надо заметить, что это издание крайне текстологически недостоверно и в значительной степени фальсифицировано[20], но, судя по всему, авторство Вермишева несомненно. Это подтверждает фрагмент, сохранившийся в составе вермишевского фонда архива Государственного центрального театрального музея им. Бахрушина и опубликованный еще в статье З. Г. Минц:

[19] В списке исправленных опечаток указанного издания подпись «Ша» исправлена на «ша» [Там же: отдельная вклейка].

[20] Оно базируется на архиве, переданном сыном автора А. А. Вермишевым-младшим в ИМЛИ. Вермишев-сын вообще прилагал значительные усилия для сохранения памяти об отце (ср. Илл. 2). Исследование архива Вермишева в ИМЛИ devisu обнаруживает, что он целиком состоит из поздних машинописных копий. Ряд текстов, находящихся тут и опубликованных в Избранном 1977 года, не отмечен в подробнейшей библиографии Вермишева, составленной Р. А. Папаяном для ереванского издания 1976 года [Вермишев 1976: 278–293]. Интересующий нас текст в библиографию включен (хотя в сборнике, вообще скупо представляющем Вермишева-поэта, не воспроизведен). В списке псевдонимов Вермишева в ереванском сборнике [Там же: 292] упомянута и подпись «-ША» (от «Саша» ?). В качестве примера несомненно сфальсифицированного текста в издании 1977 года приведем эпиграмму из цикла «Портреты врагов», датированную 1917 годом: «Друг другу все одни сродни, / Но "вклад" их вреден и бездарен. / Знать интересно, кто они? / Зиновьев, Каменев, Бухарин» [Вермишев 1977: 118]. Разумеется, такая тройка «врагов» могла возникнуть только после Первого московского процесса.

Интересно и неопубликованное стихотворение А. Вермишева «Белеют по холмам...» (1910)*. Стихотворение начинается с трагической картины разгромленной революции, а завершается мыслью о неизбежности грядущей победы. Соответственно, и сквозь грустные «романсные» интонации первой строфы пробиваются маршевые ритмы концовки:

Белеют по холмам кресты
да кресты,
Тайга их тайну стережет,
стережет,
И длинный ряд могил ведет
да ведет
Через тайгу вперед
да вперед...
Но тот, кто, смерти не боясь,
не боясь,
На эшафот взойдет смеясь,
да, смеясь —
Пусть помнит: кровь его тропу пробьет,
Вперед, бойцы, вперед
да вперед!

* Стихотворение это — текст песни, мелодия которой была написана самим Вермишевым. Текст стихотворения восстановлен по памяти его младшим братом А. А. Вермишевым ‹...› [Минц 1961: 189]

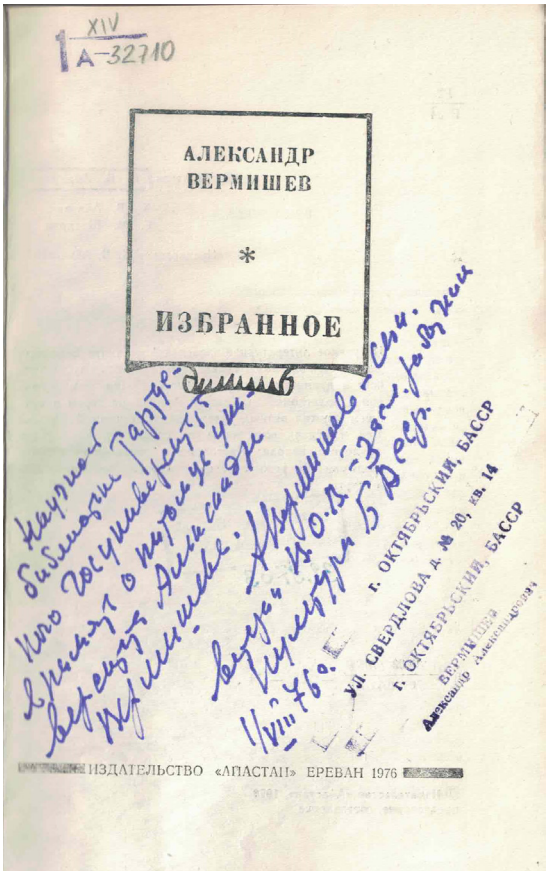
К сожалению, лирика Вермишева была в статье З. Г. Минц периферийным объектом внимания, так что мы лишены возможности прямо процитировать источник, на который опиралась З. Г. Минц, или даже указать на него[21]. Так или иначе, датировка З. Г. Минц заслуживает большего доверия, чем примечание Л. К. Кувановой к тексту фрагмента, несколько отличающегося от процитированного выше:

Песня родилась из стихотворения «1907 год»:

Белеют по холмам кресты да кресты,
Тайга их тайну стережет,
И длинный ряд могил ведет, все ведет
Через тайгу вперед, вперед, все вперед...
Но тот, кто смерти не боясь, не боясь,
На эшафот взойдет смеясь, да, смеясь,
Пусть помнит, кровь его тропу пробьет...
Вперед, бойцы, вперед, вперед, да вперед!
‹...› Позднее Вермишев положил слова на музыку (см. подробнее: журнал «Музыкальная жизнь», 1970, № 21). Песня приобрела большую популярность среди революционеров-ленинцев [Вермишев 1977: 363].

Глухая ссылка на журнал скрывает очерк А. Членова «Человек-песня», который ничего не проясняет в этой истории: песня «Вперед» (напомним,

[21] В доступном описании фонда Вермишева в собрании ГЦТМ воспоминания его брата прямо не упомянуты [http://gctm.narod.ru/alf/alf.htm]. В настоящее время архив закрыт для посетителей, в телефонном разговоре сотрудники выразили твердую уверенность, что раньше 2021 года он не будет доступен для исследователей.
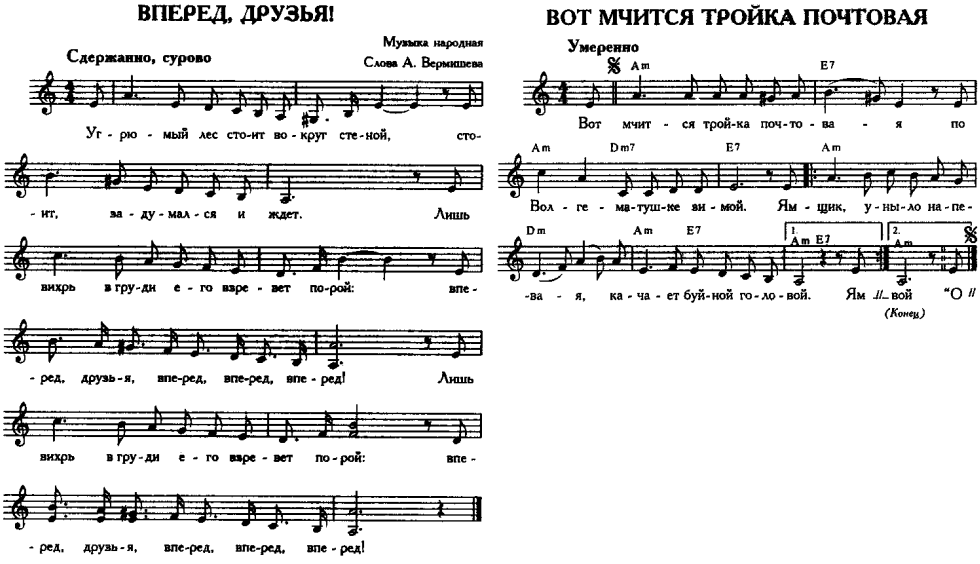

Илл. 2. Титульный лист издания 1976 года из библиотеки Тартуского университета с инскриптом: «Научной библиотеке Тартуского Госуниверситета в память о питомце университета Александре Вермишеве. А. Вермишев-сын, ветеран В.О.В. засл. работник культуры Б[ашкирской] АССР. 1/VIII 76 г.»

что **УЛ**$_2$ к этому времени уже не менее пяти лет входит в репертуар хора им. Пятницкого) цитируется как исполняемая «самодеятельным хором Чеховского мебельного комбината», время создания текста отнесено к 1906 году (вопреки варианту, предложенному Л. К. Кукановой).

Итак, у нас есть два текста: первый (стихотворение «Вперед») имеет достоверную эдиционную историю (и соответственно — верхнюю датировку 1911 годом), второй — носящий явные следы песенности **УЛ** — датируется в статье З. Г. Минц 1910 годом (что не исключает, разумеется, сообщенного в примечаниях Л. К. Кукановой заглавия «1907 год»). Общие соображения и наблюдения над текстами заставляют нас предположить обычный для постфольклорной лирики путь: от литературного текста к песне, хотя нельзя полностью исключить и возможности одновременной трансформации «протопесни» в дошедший до нас вариант **УЛ** и в обработанный в соответствии с требованиями литературности текст «Вперед». Так или иначе, следует осторожно принять датировку, воспроизведенную З. Г. Минц и предполагающую, что мы имеем дело с неточной фиксацией фрагмента текста, демонстрирующего трансформации, которым исходное стихотворение (скорее всего, почти синхронно с созданием) подвергалось при транспонировании в песенный род.

Стихотворение «Вперед» имело достаточно очевидный претекст, вполне согласующийся с нашими представлениями о культурном уровне автора: стихотворение Фёдора Тютчева «Из края в край, из града в град» (1830-е). Рефренный повтор «вперед, вперед» (у Тютчева — в первой и заключительной строфах) у Вермишева захватывает весь текст и переосмысливается в духе свободолюбивой поэзии[22], тютчевский экзистенциальный трагизм транспонируется в гражданскую скорбь. Как справедливо отметила З. Г. Минц, текст балансирует между романсными (восходящими к Тютчеву) и маршевыми («Вперед! Вперед!») интонациями. Музыка, на которую были положены стихи, соединяет маршевую отчетливость с романсной гармонией. Ближайшим соседом **УЛ** в мелодическом ряду, по нашему мнению, является получивший исключительную популярность в начале века романс «Вот мчится тройка почтовая», обе песни развивают общую ладогармоническую схему (см. *Илл. 3*[23]).

Илл. 3. Нотные иллюстрации с сайта «Песенник анархиста-подпольщика»

Ранний (или просто неполно записанный) вариант песенной трансформации **УЛ**, зафиксированный в мемуарах, строится на простом наращении стихов за счет повторов и клитик («да», «все»). Здесь однако уже встречается пятистопный стих, не требующий тавтологий («Пусть помнит, кровь его тропу пробьет»). В каноническом варианте **УЛ** (текст, исполнявшийся хором им. Пятницкого) уже нет таких «заполняющих» повторов. Думается, именно найденная неизвестным автором мелодия стала «пилотирующим» фактором стиховой трансформации исходного текста. Обращают на себя внимание три композиционных решения **УЛ**:

[22] Первым текстом в этой традиции стало стихотворение Алексея Плещеева «Вперед, без страха и сомненья» (1846), впоследствии призывы «вперед» пронизывают песенно-поэтическую продукцию народников и их наследников, а также большевиков до- и пореволюционного времени.

[23] По замечанию С. В. Подрезовой, высказанному в переписке, к той же модели принадлежит и другая песня, исключительно популярная в начале века, — «Когда я на почте служил ямщиком». Речь, таким образом, должна идти об общей ориентации Вермишева (или иного автора дошедшей до нас мелодии) на популярную схему.

— полная идентичность заключительных рефренных стихов,

— пропуск четвертой строфы (как мы помним, она присутствовала в раннем «песенном» варианте, опубликованном З. Г. Минц),

— метатеза первой и второй строф (выравнивающая композицию в направлении традиционного песенного параллелизма).
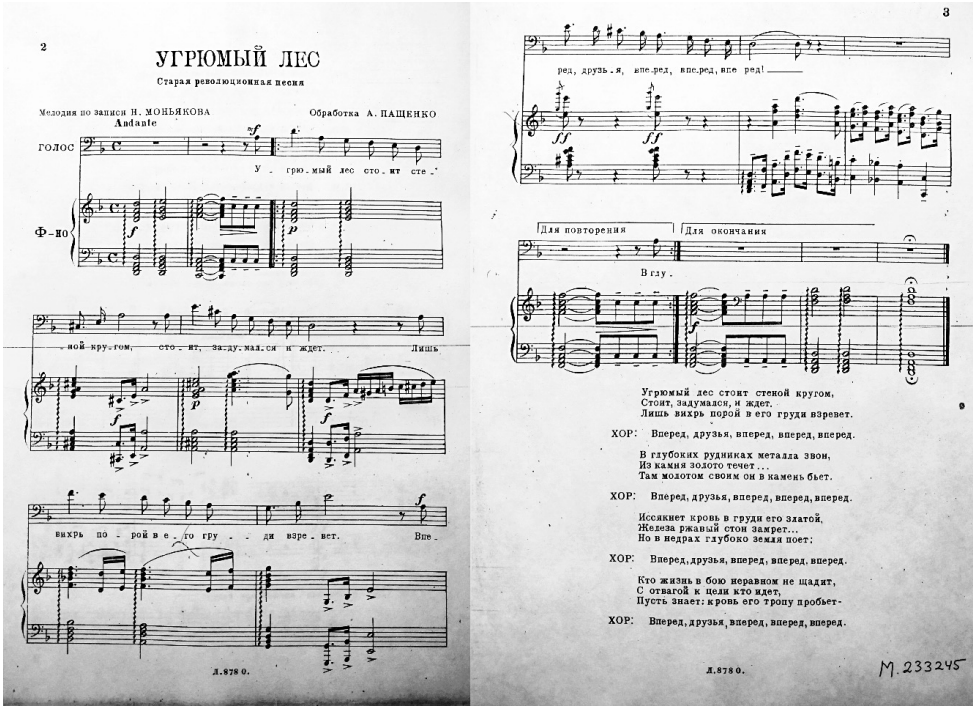
Одновременно укажем на уже отмеченную высокую тропическую насыщенность результирующего текста: наряду с уже упомянутой катахрезой в стихах 6 и 9 («золото» в неметафорическом и «златая» в метафорическом значении) сходное явление находим в стихах 3 и (вновь) 9: «грудь леса» и «грудь узника». Представим сопоставление текстов в виде таблицы (несовпадающие элементы выделены курсивом, текст стихотворения Вермишева перестроен в соответствии с композицией песни) (см. *Табл. 1*).

Табл. 1. Сопоставление текстов стихотворения «Вперед!» и песни «Угрюмый лес стоит стеной кругом»

***Вперед!**	**УЛ**
Угрюмо лес стеной *кругом* Стоит, задумался и ждет... Порою вихрем *донесет*: «*Смелей, борцы*, вперед, вперед!»	Угрюмый лес стоит *вокруг стеной,* Стоит, задумался и ждет. *Лишь* вихрь *в груди его взревет* порой: *Вперед, друзья, вперед,* вперед, вперед!
В глубоких *шахтах цепи* звон — Из камня золото течет, *Мятежный* молот *в скалы* бьет: «*Мы долго шли* вперед, вперед».	В глубоких *рудниках металла* звон, Из камня золото течет. *Там узник* молотом *о камень* бьет: «*Вперед, друзья, вперед,* вперед, вперед!»
Иссякнет *золото*, *и* стон Железа *в руднике* замрет, *Лишь эхо под* землей поет: «*Они ушли* вперед, вперед».	Иссякнет *кровь в его груди златой*, Железа *ржавый* стон замрет, *Но в недрах глубоко* земля поет: «*Вперед, друзья, вперед,* вперед, вперед!»
Белеют по холмам кресты... *Тайга их тайны стережет...* *И длинный ряд могил ведет* *Через тайгу — вперед, вперед...*	
И те, кто, *смерти не боясь,* *На эшафот взойдут, смеясь,* Пусть *помнят:* кровь *их цепь* порвет *И путь пробьет* — вперед, вперед!	Кто *жизнь в бою неравном не щадит,* *С отвагой к цели кто идет,* Пусть *знает,* кровь *его тропу пробьет*. *Вперед, друзья, вперед,* вперед, вперед!

По имеющимся данным нельзя достоверно представить картину бытования песенного текста между предположительной датой его создания и первой звуковой записью. С. А. Рейсер, опубликовавший текст впервые (как мы помним, это произошло уже после выпуска грампластинки с исполнением песни хором им. Пятницкого), в примечаниях указал «Печ. по машинописной записи приблизительно 1920-х годов (ПД, архив народного творчества)» [Вольная русская поэзия 1970: 838]. Окончательно разобраться с вопросом о ранних машинописных копиях нам мешает нынешнее (август 2020 года) эпидемиологическое положение.

Между тем текст песни уже был опубликован в составе издания «Четыре песни каторги. В обработке для голоса и фортепьяно А. Пащенко» (Л.: Музгиз, 1937). Здесь песня представлена с нотами, указано, что мелодия дана «по записи» Н. Моньякова (сведений о нем у нас нет). Издание, включающее четыре песни[24], выпущенные по отдельности и объединенные без сшивания и нумерации листов, вышло тиражом 3000 экземпляров и, подобно прочим нотным изданиям такого плана, сохранилось лишь в крупнейших библиотеках. Текст этой первой публикации за вычетом мелких пунктуационных деталей идентичен опубликованному С. А. Рейсером. Заголовок: «Угрюмый лес. Старая революционная песня».

2

УГРЮМЫЙ ЛЕС

Старая революционная песня

Мелодия по записи Н. МОНЬЯКОВА — Обработка А. ПАЩЕНКО

Andante

ГОЛОС

Ф-НО

У - грю - мый лес сто - ит сте -

- ной кру - гом, сто - ит, за - ду - мал - ся и ждет. Лишь

вихрь по - рой в е - го гру - - ди взре - вет. Впе -

Л.878 0.

3

ред, друзья, впе - ред, впе - ред, впе - ред!

Для повторения | Для окончания

В гру -

Угрюмый лес стоит стеной кругом,
Стоит, задумался, и ждет.
Лишь вихрь порой в его груди взревет.

ХОР: Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

В глубоких рудниках металла звон,
Из камня золото течет...
Там молотом своим он в камень бьет.

ХОР: Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

Иссякнет кровь в груди его златой,
Железа ржавый стон замрет...
Но в недрах глубоко земля поет:

ХОР: Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

Кто жизнь в бою неравном не щадит,
С отвагой к цели кто идет,
Пусть знает: кровь его тропу пробьет-

ХОР: Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

Л.878 0.

М. 233245

Илл. 4. Текст песни в издании 1937 года

Так или иначе, апокрифическим следует признать распространенное в «облаке» современных метатекстов представление о том, что песня «получила большое признание среди политкаторжан, сосланных на каторгу после революции 1905–1907 годов. После окончания Гражданской войны она исполнялась хором Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев ‹…›. Традиция исполнения песни оборвалась с началом войны и смертью большинства исполнителей во время войны и сразу после нее».

Не говоря о том, что массовый уход поколения большевиков начала XX века со сцены был связан отнюдь не с «началом войны», а с несколько иными событиями, довоенные исполнения хорами политкаторжан не засвидетельствованы в доступных нам источниках: согласно нотографическому указателю Д. М. Бацера и Б. И. Рабиновича, песня не входила в сборники 1920–1930-х

[24] Три остальные песни, составляющие тетрадь: «Кандальный марш» (впервые опубликованный с нотами в этом сборнике), «Лишь только в Сибири займется заря» (вариант хорошо известной уже в дореволюционном репертуаре песни «Когда на Сибири займется заря») и «Хороша эта ноченька темная» (также опубликована впервые). См. указатель в [Бацер, Рабинович 1984].

годов, фиксировавшие соответствующий репертуар (в справочник включены как дореволюционные сборники каторжных песен Гартевельда, так и пореволюционные издания, например «Песни каторги и ссылки» 1930 года). Мало того, учитывая время создания песни и относительно мягкий режим 1911–1914 годов, песня не имела особых шансов на широкое распространение среди политических заключенных дореволюционной России. Думается, ее бытование и трансформации были более локальными и связанными с социал-демократической средой европейской России 1910-х годов.

Представленная в издании «Четыре песни каторги» запись мелодии почти совершенно идентична исполнению хора им. Пятницкого. Обработавший ее А. Ф. Пащенко (1883–1972), перед революцией шесть лет заведовавший библиотекой Придворного оркестра, впоследствии стал советским композитором и впервые на оперной сцене воплотил образ В. И. Чапаева[25]. Возможно, именно на это издание опиралась Е. В. Калугина, включая песню в репертуар Омского хора[26]. Однако допустима и другая (не противоречащая высказанной) гипотеза: если текст в каком-то виде сохранился в среде партийцев поколения Вермишева, то записан он мог быть в Сибири от выживших ссыльных (пораженных в правах или не пожелавших вернуться в европейскую часть СССР) эпохи «возвращения к ленинским нормам». Это подтверждается доступными источниками: согласно нотографическому указателю Д. М. Бацера и Б. И. Рабиновича, песня вошла в репертуар руководимого Е. В. Калугиной Омского государственного русского народного хора к 1960 году. С этого времени начинается ее настоящая известность, зафиксированная в статье А. Членова.

Новый импульс песня получает в фильме Глеба Панфилова «Прошу слова» («Ленфильм», 1975). Приведенное выше описание включения песни в этот фильм грешит неполнотой и непониманием контекстов. Процитируем еще раз этот фрагмент нашего «облака».

> Друзья застают Бушуева в постели — тот лежит при смерти. После взаимных извинений и прощений становится ясно, что поздравления неуместны, и тут Бушуев говорит: «Ну что? Так и будем молчать? Я ведь не помер еще. Давайте песни петь! Гриша, запевай!»
> И тогда прошедшие каторги и тюрьмы старики вдруг хором запевают «Узника». В фильме песня звучит от начала и до конца.

В фильме, однако, представлен несколько иной сюжет. Героиня Инны Чуриковой Елизавета Уварова, возглавляющая администрацию небольшого города и сочетающая сокрушительную интеллектуальную и эстетическую глухоту с идеологической чувствительностью и (неизменными для героинь раннего Панфилова) природным артистизмом и подкупающей искренностью[27], вручает старому большевику Бушуеву орден Ленина. Комната наполнена стариками — соратниками Бушуева. С поздравлениями к герою является и некий Иван, его не хотят впускать, но хозяин разрешает ему войти. Появляется ровесник Бушуева с внуком. Мы понимаем, что Иван совершил предательство, понятно, что речь идет отнюдь не о революционной эпохе, но о времени Большого террора, когда по вине Ивана погибли их с Бушуевым общие друзья-большевики. Бушуев, однако, в отличие от Григория, отказывающегося «запевать» в присутствии предателя, отпускает бывшему другу, воспитавшему

[25] См. о нем [Кацева 1978].

[26] В упомянутой статье А. Членов также пишет, что песню «взяли из репертуара Омского народного хора» [Членов 1970].

[27] См. об этом в замечательной статье, вызвавшей гонения идеологических инстанций на автора: [Демин 1977].

без родителей внука-комсомольца, грехи. Запевает жена Бушуева, песню подхватывают десятки старческих голосов. Присоединяется жестоковыйный Григорий, подпевает и Иван. «Тюрьмы и каторги», которые актуализируются в рецептивном горизонте исторического зрителя фильма во время исполнения песни, — не только царские, но и советские (как можно предположить, их не миновал и иуда-Иван). Распев приобретает характер траурного марша, которым поколение революционеров провожает не только Бушуева, но и себя.

Этот эпизод из фильма поучил на YouTube статус отдельного текста [Лев Зэппелин 2014, 14 февраля][28], и именно он цитируется как лейтмотив в упомянутом выше видеоклипе-коллаже.

Илл. 5. Кадр из фильма «Прошу слова». Старые каторжане поют

Второй раз песня звучит в предшествующей финалу фильма сцене с пластинки в исполнении хора им. Пятницкого. Уварова в этом эпизоде выступает единственным действующим лицом. Она возвращается из Москвы, где не получил поддержки ее урбанистический, как сейчас выражаются, проект строительства моста, соединяющего запущенно-индустриальный и одновременно старинный город Златоград (ср. мотив золота в **УЛ**) с новым утопическим городом-садом. Силы Уварова черпает в своеобразном «возвращении к ленинским заветам»: прослушивании песни и одновременном почти пародийном обращении к «черному» физическому труду — мытью полов в квартире. Зритель уже знает, что в промежутке между этой сценой и финальным эпизодом фильма, возвращающим нас к началу нарратива, погибнет от случайной (но не в контексте мотивных сцеплений повествования) пули сын Елизаветы[29].

Итак, мы имеем дело с достаточно редким для советских песен случаем «длинного инкубационного периода». Текст, возникший как гибрид баллады (ср. третьеличную форму повествования и мотив оживающих мертвецов) и городского романса[30] и бытовавший (непонятно, насколько широко) среди старых партийцев, быстро потерял авторство.

[28] 4733 просмотра.

[29] Отметим продуманность музыкальной аранжировки кинонарратива Панфилова: наряду с «темой Уваровой» (УЛ) повествование включает два других музыкальных лейтмотива: арию из оперетты «Сильва» и песню «Битлз». Первая тема связана с «семейным счастьем», вторая — с сюжетом «отцов и детей».

[30] О пересечении жанров революционной песни и жестокого романса см.: [Фахретдинов 2018]. Ср. также работу, посвященную взаимодействию пропагандистской революционной песни и арестантской песенной лирики: [Лурье 2010].

Илл. 6. Кадр из фильма «Прошу слова». Каторжный труд Елизаветы Уваровой

Он превратился в своего рода эзотерически-алхимическую балладу об автосакрификации, ведущей к преображению мира, и на три десятилетия пропал из публичного исполнительского репертуара. Он не появляется в печати, не цитируется в художественной литературе, не фиксируется массовыми звукозаписями 1920–1950-х годов и заново входит в культуру лишь в брежневский период.

Судьба этого текста оказалась подобной судьбе поколения его автора, ушедшего из жизни задолго до драматических перипетий становления советской культуры. Реанимированная хоровыми коллективами в 1960-е годы, песня заняла свое место в нише «славного наследия», но подлинный импульс реактуализации получила в качестве интекста в фильме «Прошу слова». По словам Г. А. Панфилова, для фильма он искал именно «не банальную, не затасканную» революционную песню, в поисках которой помог ленинградский композитор, постоянный соавтор Г. А. Панфилова В. Д. Биберган[31]. Как рассказал нам композитор, услышанная им в радиопередаче песня была записана для первого эпизода фильма хором старых большевиков Путиловского завода, причем исполнители, скорее всего, ранее этой песни не слышали. Заслуживает особого внимания упоминание В. Д. Бибергана о его тогдашней беседе с дочерью Е. В. Калугиной, которая вспоминала, что песня восходит к архиву В. Н. Гартевельда. Ни в одном из широко известных гартевельдовских изданий песни нет, но этот слабый сигнал ее возможного дореволюционного бытования требует дальнейшей проверки.

Ни В. Д. Биберган, ни Г. А. Панфилов не знали о сложной предыстории текста. Тем более не мог режиссер предвидеть современного ее статуса, когда (дважды!) заставил свою героиню выступить с критикой европейских «леваков», один раз — в эпизоде, непосредственно следующем за первым исполнением песни Вермишева.

Если хоровой официальный канон не сохраняет памяти об истории песни, то кинематографический текст-ретранслятор не только скрыто тематизирует сложную историю ее бытования, но и в значительной степени предопределяет ареал ее современного распространения, вплоть до «самого древнего из существующих анархических изданий в России».

[31] Мы благодарны Глебу Анатольевичу и Вадиму Давыдовичу за информацию о работе над фильмом, предоставленную в частных беседах. См. также: [Любарская 2015, 6 ноября].

Литература

Александр Ф. Скляр — тема (2020, 29 мая). Вперед, друзья! 3 мая. *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_7QxViveB6M

Бацер, Д. М., Рабинович, Б. И. (1984). *Русская народная музыка. Нотографический указатель (1776–1973), 2*. М.: Советский композитор.

Васильев, Н. (1959). «Красная правда». *Нева, 1959*(8).

Вермишев, А. (1976). *Избранное*. Ереван: Апастан.

Вермишев, А. (1977). *Избранное*. М.: Художественная литература.

Владимирский, Г. Д. (Сост.). (1936). *Пролетарские поэты. Том II: 1911–1914*. [Л.] (Б-ка поэта. Большая сер.).

Войнович, В. (1997). *Сказки для взрослых*. М.: Вагриус.

Демин, В. (1977). Депутат Уварова. *Советский экран, 1977*(1), 2–3.

Илья Рагулин (2015, 4 февраля). Вперед, друзья! *Изба-читальня.* Режим доступа: https://www.chitalnya.ru/work/1254674/

Илья Рагулин (2018, 7 января). Вперед, друзья! Вперед! Вперед! Вперед! *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=oswxLh_13Hk

Кацева, М. Д. (1978). Пащенко, Андрей Филиппович. В Ю. В. Келдыш (Ред.). *Музыкальная энциклопедия*, 214. М.: Советская энциклопедия, Советский композитор.

Лев Зэппелин (2014, 14 февраля). Клипы — Песня декабристов (из к/ф «Прошу слова»). *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=_ThtpoScdsg

Лурье, М. Л. (2010). Политические и тюремные песни в начале XX века: между пропагандой и фольклором. *Антропологический форум, 2010*(12 Online), 1–20.

Любарская, Я. (2015, 6 ноября). «Делать из Шостаковича борца с царем — чепуха». [Интервью с В. Биберганом]. *Jewish.ru. Глобальный еврейский онлайн-центр*. Режим доступа: https://jewish.ru/ru/interviews/articles/175553

Людмила Хохрякова (2017, 9 апреля). «Вперед, друзья!» (песня из фильма «Зов Космической эволюции»). *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=xhl1eLC8nFQ

Миль, А. А. (1989). Вермишев Александр Александрович. В П. А. Николаев (Ред.). *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 1 (А–Г)*, 427–428. М.: Советская энциклопедия.

Минц, З. Г. (1961). У истоков советской драматургии (Творчество А. А. Вермишева). *Учен. зап. Тарт. ун-та. 1961. Вып. 104: Труды по рус. и слав. филологии, 4*, 173–207.

Озеров, Л. (1977). Об Александре Вермишеве и его произведениях В А. Вермишев. *Избранное*, 9–10. М.: Художественная литература.

Рейсер, С. А. (Сост.). (1970). *Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков.* Л.: Сов. писатель. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Фахретдинов, Р. И. (2018). «Русская Марсельеза»: жестокий романс Петра Лаврова. *Антропологический форум, 2018*(36), 117–153.

Членов, А. (1970). Человек-песня. *Музыкальная жизнь, 1970*(21), 6.

Эвентов, И. С. (Сост.). (1967). Поэзия в большевистских изданиях: 1901–1917. Л.: Сов. писатель, Ленинградское отделение (Библиотека поэта).

Andrey Konev (2017, 7 ноября). Вперед, друзья. *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=wpFYX4hJRSo

Anna Popova (2019, 24 ноября). Гарик Сукачёв — Вперед, друзья! *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Be1ZZ5bDsUo

Bronisliva (2010, 25 февраля). Вперед, друзья! Хор Пятницкого. Comrades, Forward! *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=epmtRiFLuF8

Kolybanov (2014, 30 декабря). Вперед, друзья! Песня декабристов. *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=-sYZfwCphWE

Rusa Sovietica (2015, 12 декабря). Вперед, друзья! Хор им. Пятницкого. *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=s4WavXloP0w&t=1s

YuriyMatrosov (2013, 24 октября). Вперед, друзья! *YouTube.* Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=gmREI8cBN6M

References

Alexander F. Sklyar — theme (2020, May 9). *Forward, friends! May 3 [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=_7QxViveB6M (In Russian).

Batser, D., Rabinovich, B. (1984). *Russian folk music. Notographic index (1776–1973), 2*. M.: Sovetskij kompozitor. (In Russian).

Bronisliva (2010, February 25). *Forward, friends! The Pyatnitsky Choir. Comrades, forward! [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=epmtRiFLuF8 (In Russian).

Chlenov, A. (1970). The song-man. *Musical Life, 1970*(21), 6. (In Russian).

Demin, V. (1977). Uvarova the deputy. *The Soviet Screen, 1977*(1), 2–3. (In Russian).

Eventov, I. (Ed.). (1967). *Poetry in Bolshevik print: 1901–1917.* Leningrad: Sov. pisatel', Leningradskoe otdelenie. (The poet's library).

Fakhretdinov, R. (2018). "The Russian Marseillaise": A cruel romance of Pyotr Lavrov. *Forum for Anthropology and Culture, 2018*(36), 117–153. (In Russian).

Katseva, M. (1978). Paschenko, Andrei Filippovich. In Yu. V. Keldysh (Ed.) *The encyclopedia of music,* 214. M.: Sovetskaya entsiklopediya, Sovetskij kompozitor.

Khokryakova, L. (2017, April 9). "*Forward, friends!" (The song from the movie "The call of the Cosmic evolution" [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=xhl1eLC8nFQ (In Russian).

Kolybanov (2014, December 30). *Forward, friends! The decemberists' song [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=-sYZfwCphWE (In Russian).

Konev, A. (2017, November 7). *Forward, friends [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=wpFYX4hJRSo (In Russian).

Lurie, M. (2010). Political and prison songs in the early 20th century: Between propaganda and folklore. *Forum for Anthropology and Culture, 2010*(12 Online), 1–20. (In Russian).

Lyubarskaya, Ya. (2015, November 6). "Turning Shostakovich into a fighter against tsarism is nonsense". [An interview with V. Bibergan]. *Jewish.ru — Global'niy yevrejskij onlajn tsentr.*Retrieved from https://jewish.ru/ru/interviews/articles/175553/ (In Russian).

Mil', A. (1989). Vermishev Alexander Alexandrovich. In P. A. Nikolaev (Ed.) *Russian writers 1800–1917: Biographic dictionary. Vol. 1 (A–G)*, 427–428. M.: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian).

Mintz, Z. (1961). At the origins of Soviet playwriting (the works of A. A. Vermishev). *The scholarly notes of the University of Tartu. 1961. Issue 104: Works on Russian and Slavic philology, 104*(4), 173–207. (In Russian).

Ozerov, L. (1977). On Alexander Vermishev and his works. In A. Vermishev. *Selected works*, 9–10. M.: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Popova, A. (2019, November 24). *Garik Sukachev — Forward, friends! [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=Be1ZZ5bDsUo (In Russian).

Ragulin, I. (2015, February 4). Forward, friends! *Izba-chital'nya.* Retrieved from https://www.chitalnya.ru/work/1254674/ (In Russian).

Ragulin, I. (2018, January 7). *Forward, friends! Forward! Forward! Forward! [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=oswxLh_13Hk (In Russian).

Reiser, S. (Ed.). (1970). *Uncensored Russian poetry of the 18th–19th centuries.* Leningrad: Sov. pisatel'. (The poet's library. Major series.) (In Russian).

Rusa Sovietica (2015, December 12). *Forward, friends! The Pyatnitsky Choir [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=s4WavXloP0w&t=1s (In Russian).

Vasilyev, N. (1959). "The red truth". *Neva, 1959*(8). (In Russian).

Vermishev, A. (1976). *Selected works*. Yerevan: Apastan. (In Russian).

Vermishev, A. (1977). *Selected works*. M.: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Vladimirsky, G. D. (Ed.). (1936). *Proletarian poets. Volume II: 1911–1914.* [Leningrad.] (The poet's library. Major series.) (In Russian).

Voynovich, V. (1997). *Fairytales for grown-ups*. M.: Vagrius. (In Russian).

YuriyMatrosov. (2013, October 24). *Forward, friends! [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=gmREI8cBN6M (In Russian).

Zeppelin, L. (2014, February 14). *Video clips — The decemberists' song (from the movie "I request the floor") [Video file].* Retrieved from https://www.youtube.com/watch?v=_ThtpoScdsg (In Russian).